

Теория литературы. Текстология Theory of Literature. Textual Studies

К.А. Баршт (Санкт-Петербург)

УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ ИЛИ ТАБЛИЦА МЕНДЕЛЕЕВА *О предмете и методе истории русской литературы* Часть первая

Аннотация. В статье предпринимается анализ ряда историко-литературных концепций, связанных с методологией истории русской литературы, в частности, анализируются теорема В.Н. Топорова о «циклах» и «узлах», изложенная им в тезисах доклада «К вопросу о циклах в истории русской литературы», перспективность и применимость на современном этапе развития науки о литературе «исторической поэтики» А.Н. Веселовского, концепция «теоретической истории литературы» Д.С. Лихачева с его требованием отказа от «эмпирических» историко-литературных построений, теория ротации литературных фактов в динамике системы литературного процесса, разработанная Ю.Н. Тыняновым, концепция Ю.М. Лотмана об изменении текстового значения литературного произведения на различных этапах его бытования и ряд других концепций, затрагивающих вопрос о формировании истории литературы как своего рода «метасюжета». Рассматриваются связи преемственности между гипотезой Топорова и предшествующими научными исследованиями, выдвигавшими идею о дихотомии периодов стагнации и семантико-стилевых «катастроф» в качестве опорного принципа в строительстве литературной историографии. В статье актуализируется основной круг вопросов, связанных с историческим нарративом, темой которого является история национальной литературы: возможность и необходимость такого рода научного описания, способы периодизации материала, принципы организации материала, отношение к истории культуры – возможность его автономного существования или включенность в нее, а также степень и качество такого рода включенности.

Ключевые слова: история литературы; академический эклектизм; теория «узлов» и «циклов» В.Н. Топорова; литературный факт; литературный процесс.

К.А. Barsht (Saint-Petersburg)

The Ural Mountains or the Periodic Table On the Subject and Method of the History of Russian Literature Article I

Abstract. This article aims to analyse a number of historical and literary concepts

related to the methodology of the history of Russian literature, particularly, V.N. Toporov's theorem about "cycles" and "knots", put forward in his theses to the report "To the question about cycles in the history of Russian literature". Moreover, the article explores the perspectives and the applicability of A.N. Veselovsky's historical poetics at the present stage of the literary studies development, as well as D.S. Likhachev's concept of "theoretical history of literature" with his demand to abandon "empirical" historical and literary constructions. The author regards the theory of rotation a literary fact in the dynamics of the literary process system, developed by Yu.N. Tynyanov, Yu.M. Lotman's concept of changing the textual meaning of a literary work at various stages of its existence, and some other concepts that affect the formation of literary history as the so-called "meta-plot". The author considers the continuity between the Toporov's hypothesis and the previous academic studies propelling the idea of a dichotomy of periods of stagnation and semantic-style "catastrophes" as a fundamental for the construction of literary historiography. The article actualizes the main issues related to historical narrative with the theme of the history of national literature: the possibility and necessity of such scientific descriptions, methods of periodization of the material, the principles of organizing the material related to the history of culture – the possibility of autonomous existence or involvement in it, as well as the extent and quality of such involvement.

Key words: Literary history; academic eclecticism; V.N. Toporov's theory of "knots" and "cycles"; literary fact; literary process.

Вопрос о строительстве истории литературы связан с решением ряда сложных теоретических проблем: достоверности исторического знания, предмета описания, формы связи хронологии со структурой предмета. В нашу задачу не входит детальное исследование этих вопросов, попытаемся лишь осветить некоторые стороны прагматического аспекта в вопросе о проекте «история литературы».

Одним из главных упреков, звучащих в адрес «истории литературы» (ИЛ), является утверждение, что литературные произведения сами по себе никакой дополнительной «истории» не требуют помимо той, какая у них уже есть: тексты двигаются во времени, привлекая к себе внимание или исчезая из сферы интересов читателя, своими маршрутами: «Каждая эпоха выдвигает те или иные прошлые явления, ей родственные, и забывает другие» [Тынянов 1977, 259]. Т.С. Элиот был уверен, что вся европейская литература, начиная с Гомера, существует как целое и располагается в порядке одновременного присутствия в настоящем. Отзываясь на эту мысль, Р. Уэллек и О. Уоррен указывают: «История литературы не история в буквальном смысле этого слова, поскольку она представляет собой знание о нынешнем состоянии, о вездесущем и вечносущем настоящем» [Уэллек, Уоррен 1978, 272]. Историю литературы как парадоксальную попытку представить настоящее в виде прошлого отметил со ссылкой на Ч. Пирса А. Данто: «Наше представление о прошлом как нельзя лучше выражает представление о чем-то совершенно определенном, неподвижном, l'accompli и мертвом, тогда как будущее, напротив, живо, пластично и ему предстоит стать определенным» [Данто 2002, 139].

История есть описание прошлого, однако сумма литературных текстов, выработанных в мировой или национальной культуре, и есть самое адекватный текст, свидетельствующий о ее истории. Задача требует его сокращения до пределов нескольких томов и создания краткого метаописания. Условием выполнения этой задачи является применение логического анализа и причинно-следственных конструкций, строительство непротиворечивой типологии-хронологии, объясняющей каждый из входящих в нее элементов в динамике его существования. Однако в литературном процессе отнюдь не все укладывается в русло причинно-следственных связей. Ясно также, что такого рода научный продукт будет принадлежать к области литературоведения в той мере, в какой он будет опираться на свойства, принадлежащие художественному тексту.

На это обстоятельство обратил внимание Ю.Н. Тынянов: «То, что в одной эпохе является литературным фактом, то для другой будет общеречевым бытовым явлением, и наоборот, в зависимости от всей литературной системы, в которой данный факт обращается» [Тынянов 1977, 273]. Далее он приводит пример с письмами литераторов конца XVIII в. и ими же в пушкинскую эпоху. Та же ситуация и со смешением различных школ, направлений и стилей: не все они имеют одинаковое значение в каждый момент времени [Тынянов 1977, 257]. Основным условием формирования объекта изучения в ИЛ служит отделение фактов литературы от фактов, принадлежащих внелитературному ряду. Эту задачу усложняет то обстоятельство, что литературные факты могут получать различные функциональные назначения на различных этапах своего существования. Памятник литературы сохраняет в себе информацию не только о том, как он был создан, но и том, как его читали в течение веков, обладая текстовой «функцией памяти. Текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах» [Лотман 2000, 162].

Словосочетание «литературный процесс» фактически фиксирует общественную рецепцию эстетических объектов, ведь значение художественного текста определяется его прочтением и никакого другого его значения не существует. Опорной точкой подобного рода модели становится не автор, не текст, не «среда», но читатель. Состоящий из множества разнородных компонентов текст художественного произведения обретает свое единство усилиями реципиента, который формирует его значение, подключая к тексту свою память и культурный опыт, он «некто, сводящий воедино все штрихи, что образуют письменный текст», [Барт 1989, 390] событие повествования не может быть осуществлено без участия читателя [Тюпа 2011, 8–14].

Первым, кто поставил этот вопрос в теоретической плоскости, был М.М. Бахтин [Бахтин 2003, 104–168], им доказано, что «понимание входит как диалогический момент в диалогическую систему и как-то меняет ее тотальный смысл. <...> Всякое высказывание всегда имеет адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности

и т.п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает. <...> В разные эпохи и при разном миропонимании этот надресат и его идеально верное ответное понимание принимают разные конкретные идеологические выражения» [Бахтин 1997, 337]. Любой текст предполагает инстанцию ответного понимания, которая может отодвигаться в самых различных направлениях [Бахтин 1997, 209–210, 215–216, 338, 361]. История литературы в таком понимании обращается в историю чтения. Эта идея имеет много защитников. По мнению Вяч. Иванова, «нас, символистов, нет, – если нет слушателей-символистов» [Иванов 1974, 610], А.И. Белецкий утверждал, что история литературы не только история писателей, но и «история читателей» [Белецкий 1964, 25–40], об этом же писал П.С. Коган («Самое гениальное поэтическое произведение не может быть гениальным, если оно никем не прочитано <...>. История литературы есть история прочитанного, но не история написанного» [Коган 1915, 7–8]), многие другие.

А.Н. Веселовским выработана классическая дихотомия «предание / личный почин», однако ясно, что «предание» принадлежит отдельному автору, у другого автора будет другой «личный почин», основанный на другом «предании»; литературное новаторство писателя и культурно-эстетическое значение его творчества – не одно и то же: есть писатели с минимальным звучанием в культуре и гигантским личным почином (Б.Ю. Поплавский), равно и наоборот (П.Д. Боборыкин); слишком смелые обобщения могут привести к потерям. С другой стороны, если литературовед ставит своей целью выяснение уровня и качества «личного почина» писателя, то это мало согласуется с читательским отбором «хороших» и «плохих» произведений; образованные читательским вниманием «литературные генералы» оказывают заметное давление на методологию истории литературы. Слишком часто на первый план читательского внимания выходят писатели с минимальным уровнем литературного новаторства, в то время как гении часто уходят в тень. Попытка составления истории литературы по «медальонам» в опоре на описание жизни и творчества «известных писателей» означает некритическое согласие с сомнительной оценкой современников, не владеющих исторической перспективой. Одновременно ускользает вопрос об эстетическом каноне, который заставил их сделать подобный выбор; в противном случае «выбор имен» остается на совести ученого и определяется его личным вкусом, что вряд ли лучше первого.

Задача историка литературы усложняется тем, что каждое новое литературное явление возникает в маргинальной зоне, на периферии, поэтому, изучая главные, кардинальные литературные явления, легко впасть в ошибку: мы, «как и всякие современники, проводим знак равенства между “новым” и “хорошим”», однако «бывают эпохи, когда все поэты “хорошо” пишут, тогда гениальным будет “плохой” поэт» [Тынянов 1977, 259]. Называя ИЛ, основанную на шедеврах, «наивным телеологизмом», Тынянов указывает: «Как бы высока ни была ценность Пушкина, ее все же незачем считать исключительной. Незачем смотреть на всю предшествующую ли-

тературу как на подготовляющую Пушкина (и в значительной мере им отмененную), а на всю последующую как на продолжающую его (или борющуюся с ним)». Такое понимание приводит к «смещению исторического зрения: вся литература под знаком Пушкина становится бессмысленной, а сам он остается непонятным “чудом”» [Тынянов 1977, 78].

По этому поводу Р. Барт писал: «Возьмем какую-нибудь историю литературы <...> От истории здесь осталось одно название: перед нами ряд монографических очерков <...> история здесь превращается в череду одиноких фигур; короче, это не история, а хроника» [Барт 1989, 210]. В «истории по генералам» вопрос о том, как возникало эстетическое событие, преодолевавшее рамки сложившегося канона, отдается на откуп случайности. Сравним это с горным пейзажем. Можно воспринимать горный хребет как выдающуюся данность. Но если говорить о том, как он образовался, нужно отвлечься от вдохновляющей зубчатой линии горизонта и сосредоточиться на тектонических процессах, идущих в толще земли. Только так можно понять механизм образования гор – отвлекаясь от их прекрасного вида. Если наш предмет – творческие судьбы писателей и их произведения, но мы не уходим от задачи связывания их в единое смысловое целое, новую актуальность обретает лотмановская «семиосфера» как множественность несводимых друг к другу автономных процессов, формирующих бесконечное число самодостаточных точек зрения.

Отсюда ясно, что история литературы может обратиться в историю чтения, либо, с меньшей степенью логической оправданности, в пакет «творческих историй», либо, с меньшим уровнем доказуемости, стать набором причинно-следственных связей между явлениями, не всегда со всей очевидностью доказанных. Ю.Н. Тынянов писал, что «проблемы русской науки о литературе и языке требуют четкости теоретической платформы и решительного отмежевания от участвовавших механических склеек новой методологии со старыми изжитыми методами, от контрабандного преподнесения наивного психологизма и прочей методологической ветоши в обертке новой терминологии. Необходимо отмежевание от академического эклектизма <...> от схоластического “формализма”, подменяющего анализ терминологией и каталогизацией явлений, от повторного превращения науки о литературе и языке из науки системной в жанры эпизодические и анекдотические» [Тынянов 1977, 282].

Советские «истории литературы» (1930–1980 гг.) обладали невероятно комфортной методологией: требовалось уложить известные литературные явления в готовые ячейки периодизации «исторического материализма». Так действовал, например, В.Ф. Переверзев, предлагая в качестве звена истории литературы путь через поэтический текст к «бытию класса», с описанием различных психологических состояний персонажей, по-своему переживающих свое отношение к выдвинутому канону.

Веселовский сравнивал историю литературы с «географической полосой», куда заходят «историк культуры и эстет, эрудит и исследователь общественных идей» [Веселовский 1940, 53]. С тех времен в этом отноше-

нии мало что изменилось, большей частью по причине отсутствия внятной концепции истории литературы, а также методологического эклектизма, довольно часто прикрытого фиговым листком «междисциплинарности». Э. Бертрам придерживался мнения, что центральной точкой парадигмы литературы является «история души»: «История, которая в конечном счете есть наука о душе и душеведение <...> представляет собой утверждение определенной ценности, а не восстановление действительности» [Бертрам 2013, 6]. Подобным образом предпринимаются попытки связать литературу в одно целое неким «идеальным писателем» или применить фактор религии («соборность» и «пасхальность»), однако ни то, ни другое не в состоянии работать в роли общего историко-литературного интеграла. Литература содержит в себе великое множество точек зрения на мир, каждая из которых стоит перед лицом вечности, идеологий, соответствующих им характеров, конфликтов и событий, несводимых к одномерной типологии. В соответствии с общей задачей требуется найти алгоритм изменений некоего инвариантного элемента изучаемой структуры, объяснив эти изменения с помощью логически непротиворечивых причинно-следственных связей.

До сих пор при подходах к этой проблеме на первый план выступает генетическое целеполагание, основной смысл которого – установить эволюционную преемственность литературных явлений. Вероятно, именно к этому стремились историки литературы XIX века (А.Н. Пыпин, Н.С. Тихонравов, Е.В. Петухов, В.А. Келтуяла, В.М. Истрин, А.К. Бороздин и пр.), которые, фактически, создавали версии некоей коллективной биографии ряда писателей с вкраплениями аналитических разборов общественно-нравственных тем отдельных произведений. Искусственный характер скреп между судьбами и эстетическими системами отдельных авторов здесь невозможно не заметить. Строить историю литературы на обобщении того, что находится вне художественного текста, значительно легче, чем искать в текстах объединяющий их интеграл. В качестве такого иногда выдвигается «идеология писателя», однако вычленение оной проводится вне учета нарративной структуры произведения; точка зрения персонажа, нарратора или абстрактного автора отождествляется с точкой зрения исторического автора, другими словами – игнорируется художественная форма, предмет исследования – литературный текст – исчезает из поля видения исследователя [Шмид 2008, 46–60].

Некоторые литературоведы предлагают забыть о теоретических трудностях и просто собирать факты, рассчитывая на то, что затем придет понимание, как их укладывать в русло «истории» [Поспелов 1972, 8]. Однако ясно, что в процессе такого «сбора», сознательно или бессознательно, мы будем ориентироваться на личный историографический миф и под его диктатом будет происходить «объективный» сбор материала. Собирать материал, не имея хорошо проработанной теоретической концепции истории литературы, это «ставить телегу впереди лошади». Никакое эмпирически собранное количество «фактов» и «явлений», расположенных в хроно-

логическом порядке, не заменит собой ИЛ; согласно удачному афоризму коллеги, «порядок в мире минералов наводит таблица Менделеева, а не хребты Уральских гор».

Д.С. Лихачев настаивал, что при строительстве истории литературы необходим отказ от примитивного эмпиризма в виде последовательного описания жизни писателей и их произведений. Согласно его мнению, из текстов и судеб писателей историю русской литературы выстроить невозможно, необходимы теоретические метаобразования. Предлагались «стиль эпохи», «литературное направление», «жанр». В основе любых историко-литературных спекуляций должен лежать непротиворечивый принцип; эмпирические обобщения не только не проявляют особенности рассматриваемых явлений, но заслоняют собой историю литературы как таковую. Ранее эту мысль развивал В.Н. Перетц, который трактовал историю литературы как творческую деятельность художников слова [Перетц 1922, 9]. По-своему осмыслив концепцию А.Н. Веселовского, он считал предметом истории литературы картину «смен литературных вкусов и направлений, “чередование литературных спросов и предложений”», на основе изучения «развития форм, в которые отбивается мысль поэта в разные времена» [Перетц 1922, 8, 11, 14].

Камнем преткновения в общей теории литературы является вопрос о способе членении литературного процесса на участки и звенья. Проблема заключается в возникающей здесь эклектике, бессвязном смешении разных подходов и принципов. Общее признание заслужили термины, помогающие уложить в одну корзину множество разнородных явлений («направление», «этап», «период», «течение», «школа», «движение», «стиль» или «стиль эпохи» и пр.). Однако всем ясно, что эти приблизительные обобщения находятся в неизбывном противоречии с поэтиками отдельных авторов и их произведений, которые выбиваются из абстракции того «направления», к которому их относят. За всем этим также маячит вопрос о том, насколько эффективна эвристическая, функция ИЛ, не снижает ли она качество понимания смысла и связности разных литературных явлений.

«Сама история до известной степени устанавливает периодизацию литературы», – утверждал Д.С. Лихачев [Лихачев 1980, 7]. Однако бывают случаи, когда социальная история подсказывает ложные решения, уводящие мысль от истины (хронологи «по царям», по политическим «переломам», по границам веков, по границам жизней «великих писателей» и пр.). Литературные явления не объясняются «историческим процессом», равно как и литературное произведение – отнюдь не «отражение жизни». По воспоминаниям Н.Ф. Дробленковой, В.П. Адрианова-Перетц, работая над томами десятитомной академической истории русской литературы, без большого желания применяла хронологию в качестве основы для структурирования материала, полностью отдавая себе отчет в «ограниченности исторического принципа периодизации» и пытаясь сгруппировать тексты «с учетом их жанровых признаков» [Дробленкова 1974, 30]. Серьезной неполнотой и методологической недостаточностью обладает и академиче-

ская «История русской литературы в 4 тт.» (1980–1983), также построенная на механическом связывании литературного процесса с хронологией.

Осознание этого факта приводит к мысли о необходимости принятия новых концептуальных решений. В статье, посвященной описанию проекта новой академической истории русской литературы, В.Е. Багно предлагает «отказаться от принятой ранее периодизации, во многом носившей условный характер», далее уточняется, от чего нужно отказаться: «<...> (т.е. после выхода в свет последнего тома пушкинодомской 4-томной “Истории...”» [Багно 2017, 18]. В качестве альтернативы социологическому модусу названного издания указывается ценность «более фундаментального понятия *историко-литературной циклизации*», выдвинутого В.Н. Топоровым [Топоров 1985, 4–10]. В.Е. Багно считает необходимым создание «обобщающего труда», где можно представить «систематическое изложение и научное освещение литературного процесса от древнейших времен до наших дней» [Багно 2017, 16]. В качестве основы для строительства новой истории литературы предлагается концепция «циклов» и «узлов», «переходных периодов, совмещающих в себе свертывание предыдущей структуры и завязь новой и осуществляющие связь соседних циклов» [Багно 2017, 18]. С такой постановкой вопроса соглашается М.Н. Виротайнен в работе, посвященной той же теме [Виротайнен 2017, 5]. В ее статье звучит мысль, что организация фактов в истории литературы не должна быть заменена плоской хронологией, но должна оказаться в состоянии связать их в непротиворечивые единства. В качестве основного вектора новой истории литературы В.Е. Багно указано выявление «личных починов» русских писателей, тем самым речь идет о сравнительном анализе их поэтических систем. Лапидарность статьи, не содержащей объяснения, с помощью какого принципа будут организованы литературные «циклы» и какие параметры будут управлять формированием «узлов», сочетающаяся со ссылкой на работу В.Н. Топорова, заставляет обратиться к ней как к первоисточнику.

В указанной работе, представляющей собой краткие тезисы доклада, содержится беглый набросок идеальной истории литературы; остается только выразить сожаление, что в последующие два десятилетия своей жизни ученый не вернулся к этой теме и не написал полноценной монографии – указанные тезисы оставляют его гипотезу без необходимой аргументации, вполне возможно, звучавшей в устном докладе. В зачине статьи Топоров без всякого сожаления ставит крест на всех «известных конкретных вариантах» истории литературы в силу того, что они не удовлетворяют «высоким заданиям, наличие которых только и оправдывает» их существование [Топоров 1985, 4]. Первый вопрос – отбор имен писателей: строить ли историю литературы из шедевров или, напротив, средних и самых характерных литературных произведений? Выше мы уже выяснили, что любой, самый квалифицированный отбор незамедлительно устанавливает историю литературы на зыбкую основу личного вкуса исследователя, само требование различение «хороших», «средних» и «гениальных»

литературных произведений несовместимо с научным принципом. Топоров рассматривает литературу как набор разнонаправленных гетерогенных структур: «Четкие границы рассматриваемого периода, за пределами которого – ниже и выше – находятся “литературы” совсем иного типа» [Топоров 1985, 7]. Выдвигая в качестве принципа строительства истории литературы идею «циклизации», Топоров определяет ее роль как «локуса» или «модуса», предоставляя читателю самому искать решение возникающего здесь логического парадокса. Возможно, здесь содержится аллюзия на О. Шпенглера, который в своей доктрине круговорота локальных культур и их жизненных циклов отрицал эволюцию культуры и эстетических сфер жизни человека, связывая свою концепцию с именами Ницше и Гете: «Что Ницше не была чужда также идея цикличности, подтверждается его анализами “античного декаданса”» [Свасьян 1998, 57]. Оправдание своего метода Топоров видит в том, что «понятие циклизации <...> представляет собой более фундаментальное с теоретической точки зрения построение, чем то, что называют «периодизацией»» [Топоров 1985, 5]. Правда, нельзя не заметить, что фундаментальность этих двух понятий находится на одном уровне, просто они означают совершенно разные, непрямо связанные между собой явления.

Основной вопрос касается устройства «узла», фиксирующего смену стиля или направления, тем более что, согласно мысли Топорова, они отсылают «не только к себе», но и к другим элементам истории литературы [Топоров 1985, 6]. Отказываясь от устаревшего принципа периодизации, он, тем не менее, называет узлы «переходными периодами», «эпохальными по значению (осознаваемому, впрочем, чаще всего позже), но короткими по времени и воспринимаемыми инерционным сознанием как знак безвременья, деградации» [Топоров 1985, 6]. Количество неопределенностей тем самым нарастает: материал «цикла» неизвестен и к тому же требует учета принципа работы «инерционного сознания» [Топоров 1985, 6], феномена из области психологии; к той же области знания, вероятно, относится и «пульсация творческих энергий», которая находится в основании историко-литературного процесса [Топоров 1985, 9]. Слово сочетание «знак безвременья» также требует специальной расшифровки, так как в роли такого знака в различных текстах могут выступать самые различные означающие; слово «деградация» требует немедленного пояснения, что именно и в чем деградирует. Это особенно важно в связи с опытом изучения эстетики модернизма, где «деградация» довольно часто означала рождение нового эстетического достижения. Для конструирования своей доктрины Топоров оставляет без внимания принятую терминологию («литературный процесс», в который по общему мнению входят стабильные и переходные периоды, «литературный факт», «направление», «течение», «школу», «стиль», «художественный метод» и пр.) и пользуется альтернативной терминологией, говоря о «стыках», «нервах», «узлах» периодов, а также о более или менее исчерпанных «линиях» [Топоров 1985, 7–8], однако что является содержанием «линий», что и каким образом ими «сты-

куется», не поясняется.

Главной проблемой этой конструкции является противоречие между самим принципом историчности, требующим логически определенных связей между фрагментами истории, и циклизацией, смысл которой намекает на гомоморфную определенность внутри замкнутого смыслового пространства. Топоров утверждает: «В отличие от периода цикл тяготеет к гетерогенности, понимаемой как некое сверхъединство, к синтезу, к выходу за свои собственные пределы» [Топоров 1985, 5]. Каким образом гетерогенность оказывается синонимом сверхъединства, остается непроясненным. С другой стороны, хорошо известно о ряде литературных метаобразований (жанр, «стиль эпохи», «хронотоп» и др.), связывающих между собой самые удаленные периоды в истории русской литературы. Проблема в том, что в предложенной Топоровым конфигурации цикла не обнаруживается интенции целеполагания истории литературы, в него входят «идеологические ракурсы (концепции власти, общества, духовные ценности, эзотерические учения, официальное-неофициальное и т.п.); связи с западноевропейской культурой (опосредованные и непосредственные, ср. роль иностранцев в русской культуре); культы и моды (любовь, дружба, чувство, роль женщины и т.п.); центры литературы (и культуры), связи между ними, динамика роста и изменений; организация издательского дела (книгопечатание, формы представления литературного творчества – газеты, журналы и т.п.); формы литературного этикета и быта (кружки, общества, связи и т.п.); читательская аудитория (состав, изменения в ней и т.п.); роль театра (соотношение театра и драматургии, актера и писателя, своего и чужого и т.п.) <...> выработка и мена стилей, мод, вкусов и т.п.) и др.» [Топоров 1985, 9]. Как мы видим, речь идет об истории театра, истории моды, этикета, о гендерных вопросах, о культуре быта, о книгопечатании, журналистике и многом другом, что в целом более правильно было бы называть историей культуры. Фактически, концепция Топорова декларирует мысль о том, что история литературы не в состоянии существовать как отдельная позиция и может получить свое оправдание лишь в общей для всех этих парадигм истории культуры. Заметим, что ранее подобного рода концепцию «синтетической» истории литературы выдвигал П.Н. Сакулин, согласно его мнению, ИЛ должна охватывать предмет «во всей сложности образующих ее элементов» и дать «органически-цельную картину всего процесса литературного развития» [Сакулин 1925, 11]. В недавние времена на тот же путь встал «структурно-генетического метод в истории литературы» [Гольдман 1987, 335–348].

Гипотеза Топорова вызывает к себе уважение смелостью замысла, однако более напоминает метафизическую конструкцию, нежели гипотезу, снабженную системой доказательств. Его термины – «сердцевина литературы», «подтягивание», «цепи», «узлы», «стыки» и пр. – не подразумевали идентичности в сфере литературоведческой прагматики, что, в общем, и не скрывается. Он пишет о «нерве понятия циклизации, имеющим непосредственное отношение к ИЛ, о том, что можно назвать “узлом” цикла»,

оставляя непроясненным содержание термина «узел», он одновременно указывает на него как на «наименее ясное звено циклической цепи», совмещающее в себе «свертывание предыдущей структуры и завязь новой» и осуществляющее «связь соседних циклов» [Топоров 1985, 6]. Таким образом, по Топорову, историю литературы можно представить в виде «цепи», состоящей из последовательности «звеньев» двух антагонистических типов – «циклов» и «узлов» – где вторые есть соединительная ткань для первых. И здесь не вполне понятно, чем это отличается от традиционной истории литературы, состоящей из периодов (содержащих свои «стили» и «направления») и соединяемых между собой переходными эпохами. Этого, в сущности, и не отрицает Топоров: «Суть предлагаемого здесь подхода – в переакцентировке внимания с “законченных” и “самодовлеющих” периодов (состояний) в ИЛ как раз на переходные периоды (“узлы”) с их максимальной неустойчивостью, хаотичностью» [Топоров 1985, 6].

Таким образом выясняется кардинальный тезис работы Топорова: сосредоточить внимание на переходных периодах, причем понятно, что качество описания этих «узлов» напрямую зависит от такого же сосредоточенного внимания к стилевому стандарту, принятому в смежном с ним «цикле». Конструкция из стабильных образований («циклов»), связанных между собой переходными «узлами», выглядит как перевод на новый терминологический язык дилеммы «канон / его нарушение» или «литературное направление и его кризис».

Циклические модели в истории нельзя назвать слишком большой инновацией. Такого рода построения разрабатывались в античности (Платон, Полибий, Светоний); то же самое относится к формулированию исторических «линий», разработкой содержательности которых занимались рационалисты (Вольтер, Дидро, Кондорсе, Конт, Спенсер и др.), в этой парадигме, как мы это видим у Топорова, эволюция идет за счет кризисного преодоления периодов стагнации. Известной попыткой объединения этих антиномических позиций в одно спиралевидное целое стала философия истории Гегеля, далее – К. Маркса; их усилиями была составлена конструкция, типологически близкая той, которую предлагает Топоров. Помимо упомянутого выше О. Шпенглера, среди возможных предшественников этой конструкции можно отметить модель прерывистой истории, составленную К. Ясперсом [Ясперс 1991, 32–50].

В литературоведении первенство в постановке вопроса о самодовлеющих «циклах», катастрофических «узлах» и соединительных «линиях» принадлежит М.М. Бахтину. Анализируя в своей книге о Рабле европейское Возрождение, он указывал на «основные линии» и «узловые моменты» эволюции «Возрождения до Бальзака (включительно)» [Бахтин 2008, 19], говорил об истории литературы, состоящей из «стабильных» и «нестабильных» периодов, в своей работе «Формы времени и хронотопа в романе» он использовал термин «узлы» в роли соединительного компонента в системе «хронотопов» – моделей повествования, имеющих исторический и, одновременно, вневременной характер [Бахтин 2012, 495, 623].

Ю.М. Лотман, на достаточно высоком уровне аргументации писал о прерывистом механизме движения литературной жизни за счет формирования канона с последующим его нарушением и разрушением [Лотман 2002, 314–321]; мысль об «узле», структурно противостоящем «циклу», фактически переводит в новую систему обозначений концепцию Ю.М. Лотмана о семиотическом «взрыве» [Лотман 2000, 12–149], согласно которой в каждый момент развития культуры возникают ситуации большей или меньшей сосредоточенности на главенствующем коде или стиле: есть эпохи, ориентированные на стиль, когда «обостряется ощущение значимости всей системы стилевых регистров языка», они сменяются временем ломки стилового тренда, смены структурных норм [Лотман 2000, 193]. Это весьма похоже на мысль, которую формирует Топоров своей концепции узлов» и «циклов»; заметим, что рассуждения Лотмана опираются на конкретный литературный материал и подтверждаются примерами.

О «линиях» в истории литературы писал Д.С. Лихачев, указывая на возможность строительства «линий», связующих периоды истории литературы с помощью учета уровня и качества условности в литературных произведениях, а также оформления в текстах «личностного начала», «постепенного снижения прямолинейной условности литературы». В качестве основы телеологии истории литературы и вектора ее развития им предложена идея последовательного расширения спектра повествовательных возможностей литературы, в сфере которых он видел «общие линии, по которым литература» постепенно совершенствуется. Восемь основных «линий» переходят одна в другую, связываются между собой в узлы, меняются, формируя тем самым ткань истории литературы [Лихачев 1989, 79, 98].

Еще ранее подобного рода дуально-циклическую модель литературного процесса предлагал Ю.Н. Тынянов, который установил, что в основе эволюции литературы лежит не «традиция» с ее рождением и соблюдением /несоблюдением, которую он называет «неправомерной абстракцией», но «смена систем», вытесняющих и вытесняемых из поля литературы другими системами [Тынянов 1977, 272]. Подобные идеи высказывал также В.М. Жирмунский, вдохновленный трудами Г. Вельфлина [Жирмунский 1928, 175–189, 278–321], одновременно с ним – Д.И. Чижевский, далее Л.Я. Гуревич, Н.И. Конрад, И.М. Тройский, Б.А. Успенский. В настоящее время в связи с этой темой стоит обратить внимание на сборник научных трудов «Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве» (2006), где опубликована работа В.И. Мильдона, интерпретирующая ту же идею [Мильдон 2006, 415–433]. Этот вопрос затрагивался также в целом ряде работ по семиотике [Живов 1988, 13–18] и философии [Никонова 2001, 129–133], где также обсуждалась возможность установления причинно-следственных отношений между двумя или несколькими произведениями искусства. Свою версию «узлов» выдвинул И.В. Кондаков, определяя их как времена переходных процессов, «на стыке» периодов с более ровной организацией: «<...> агональная фаза одного завершающегося цикла со-

впадает с зарождением и подъемом нового» [Кондаков 2002, 269].

Следует обратить внимание на содержательную работу Н.Л. Лейдермана, где акцентированно поставлен вопрос о необходимости поиска «семантически значимых оснований дифференциации больших историко-литературных циклов», с последующим расположением их на «стреле времени» и тем самым обращения в «периоды», из которых состоят «мегациклы». Особенность последних заключается в том, что между ними образуются «зияния»; чередование «циклов» и «зияний», «ментальных катаклизмов» («переходных эпох») имеет «систематический характер». По мнению исследователя, это составляет доказательство «цикличности литературного процесса в масштабах Большой истории». История литературы предстает в этом исследовании как чередование сменяющих друг друга «систем диахронных, характеризующих динамику литературного процесса в хронологических масштабах» и «систем синхронных, характеризующих “качество” литературного процесса» [Лейдерман 2009, 8–42].

Ю.Н. Тынянов в статье «Литературный факт» определил метод, с помощью которого возможно создать научное описание изменений в функционировании литературного процесса. Как ученик А.Н. Веселовского, он исходил из того, что проследить эволюцию чего бы то ни было значит освоить систематическое устройство объекта, в котором есть повторяющиеся элементы и элементы меняющиеся. Что именно остается неизменным и что именно меняется в ту или иную эпоху, и составляет материал историко-литературного исследования. Тынянов требовал сосредоточиться на текстах в их прагматическом бытии, выяснение динамики развития литературного процесса виделось ему в «соотнесенности литературного ряда с прочими историческими рядами», «вскрытие имманентных законов истории литературы (resp. языка) позволяет дать характеристику каждой конкретной смены литературных (resp. языковых) систем». Одновременно ученый признавал, что законы литературной эволюции – это «неопределенное уравнение, оставляющее возможность хотя и ограниченного количества решений, но необязательно единого» [Тынянов 1977, 283]. В ряде случаев узнаваемые стили с течением времени пародируются и/или опошляются, как это произошло с «пушкинским стихом» в 1840-е гг., который в это время «идет к эпигонам, <...> а в центр попадают явления иных исторических традиций и пластов» [Тынянов 1977, 258]. Из этого ясно, что классификация литературных стилей и «периодов», лежащая в основании истории литературы, должна происходить на основе анализа структурных особенностей конкретных текстов и с учетом того, что отнюдь не все из них до нас дошли или были завершены, опубликованы или прочитаны. Тынянов отмечал эту неизбежную случайность в фиксации фактов литературного процесса, например, в ряде случаев черновики, опубликованные вопреки воле автора, оказываются в роли «белового» текста [Тынянов 1977, 279].

Тынянову принадлежит приоритет в формировании модели функционирования литературного процесса, основанной на отношении «неизмен-

ное/изменяемое» и отношении «конкретный текст/остальные тексты». Он исходил из того, что «литературное произведение является системой, и систему является литература. Только при этой основной договоренности и возможно построение литературной науки, не рассматривающей хаос разнородных явлений и рядов, а их изучающей. <...> Соотнесенность каждого элемента литературного произведения как системы с другими и, стало быть, со всей системой я называю конструктивной функцией данного элемента» [Тынянов 1977, 272]. В XXI веке стало очевидно, что один и тот же текст несет в себе не один, но множество художественных миров, что повествовать может не только один нарратор, но любой персонаж произведения, точек видения, участвующих в создании эстетического отношения минимум три, а эстетический эффект повествования возникает на границе между кругозором и окружением участвующих в процессе точек сознания. Эти два пространства в своем взаимодействии образуют характерный набор устойчивых вариантов, основу для типологии, с помощью которой возможно привести художественные тексты в систему, которая предоставит шансы сделать из нее выводы историко-литературного характера.

Об этом – во второй части нашей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В.Е. О новой академической «Истории русской литературы» в Пушкинском доме // Русская литература. 2017. № 1. С. 16–20.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
3. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 69–283.
4. Бахтин М.М. Достоевский. 1961 г. // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 364–374.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 3 М., 2012. С. 340–512.
6. Бахтин М.М. Франсуа Рабле в истории реализма // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 4(1). М., 2008. С. 11–601.
7. Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки. (Изучение истории читателя) // Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964. С. 25–40.
8. Бертрам Э. Ницше. Опыт мифологии. СПб., 2013.
9. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
10. Виролайнен М.Н. «Узлы» и «циклы» в истории русской литературы // Русская литература. 2017. № 3. С. 5–13.
11. Гольдман Л. Структурно-генетический метод в истории литературы // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 335–348.
12. Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002.
13. Дробленкова Н.Ф. В.П. Адрианова-Перетц – преподаватель и редактор // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXIX. Л., 1974. С. 26–32.
14. Живов В.М. Логика как проблема истории. I–II // Семиотика культуры.

Тез. докл. всесоюз. школы-семинара по семиотике культуры. Архангельск, 1988. С. 13–18.

15. Жирмунский В.М. Два направления современной лирики // Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916-1926. Л., 1928. С. 182–189.

16. Иванов Вяч.И. Мысли о символизме // Иванов Вяч.И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 604–612.

17. Коган П.С. Пролог. Мысли о литературе и жизни. Пг., 1915.

18. Кондаков И.В. О механизмах повторяемости в истории русской культуры // Искусство в ситуации смены циклов. М., 2002. С. 269–283.

19. Лейдерман Н.Л. Историко-литературные циклы на «стреле времени» // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 11. Екатеринбург, 2009. С. 8–42.

20. Лихачев Д.С. Будущее литературы как предмет изучения // Лихачев Д.С. О филологии. М., 1989. С. 79–106.

21. Лихачев Д.С. История русской литературы X–XVII веков. М., 1980.

22. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 314–321.

23. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

24. Мильдон В.И. К понятию «возвратности (цикла)» в истории русской литературы // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. Сб. ст. М., 2006. С. 415–433.

25. Никонова С.Б. Эстетика нециклических повторений // Социальная аналитика ритма. СПб., 2001. С. 129–133.

26. Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922.

27. Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972.

28. Сакулин П.Н. Наука о литературе, ее итоги и перспективы. Т. XV. Синтетическое построение истории литературы. М., 1925.

29. Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 5–122.

30. Топоров В.Н. К вопросу о циклах в истории русской литературы // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX веков: тезисы научной конференции. Таллин, 1985. С. 4–10.

31. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

32. Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. №3(18). С. 8–24.

33. Успенский Б.А. История и семиотика: восприятие времени как семиотическая проблема // Труды по знаковым системам. Т. 22. Тарту, 1988. С. 66–84; Т. 23. С. 18–38.

34. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1978.

35. Шмид В. Нарратология. М., 2008.

36. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Bagno V.E. O novoy akademicheskoy “Istorii russkoy literatury” v Pushkinskom dome [About the New Academic “History of Russian Literature” in the Pushkin House]. *Russkaya literatura*, 2017, no. 1, pp. 16–20. (In Russian).
2. Tyupa V.I. Narrativnaya strategiya romana [The Narrative Strategy of Novel]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2011, no. 3(18), pp. 8–24. (In Russian).
3. Virolaynen M.N. “Uzly” i “tsikly” v istorii russkoy literatury [“Knots” and “Cycles” in the History of Russian Literature]. *Russkaya literatura*, 2017, no. 3, pp. 5–13. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Bakhtin M.M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti [The Author and the Protagonist in Aesthetic Activities]. *Bakhtin M.M. Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 1. Moscow, 2003, pp. 69–283. (In Russian).
5. Bakhtin M.M. Dostoyevskiy. 1961 g. [Dostoevsky. 1961]. *Bakhtin M.M. Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 5. Moscow, 1997, pp. 364–374. (In Russian).
6. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane [The Forms of Time and Chronotope in the Novel]. *Bakhtin M.M. Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 3. Moscow, 2012, pp. 340–512. (In Russian).
7. Bakhtin M.M. Fransua Rable v istorii realizma [Francois Rabelais in the History of Realism]. *Bakhtin M.M. Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 4(1). Moscow, 2008, pp. 11–601. (In Russian).
8. Beletskiy A.I. Ob odnoy iz ocherednykh zadach istoriko-literaturnoy nauki. (Izucheniye istorii chitatelya) [About One of the Immediate Tasks of Historical and Literary Science. (Studying the History of the Reader)]. *Beletskiy A.I. Izbrannyye trudy po teorii literatury* [Selected Works on the Theory of Literature]. Moscow, 1964, pp. 25–40. (In Russian).
9. Droblenkova N.F. V.P. Adrianova-Peretts – prepodavatel’ i redaktor [V.P. Adrianova-Peretz – teacher and editor]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 29. Leningrad, 1974, pp. 26–32. (In Russian).
10. Gol’dman L. Strukturno-geneticheskiy metod v istorii literatury [The Structural and Genetic Method in the History of Literature]. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.* [Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19–20th Centuries]. Moscow, 1987, pp. 335–348. (In Russian).
11. Kondakov I.V. O mekhanizmax povtoryayemosti v istorii russkoy kul’tury [On the Mechanisms of Repeatability in the History of Russian Culture]. *Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov* [Art in the Situation of Cycle Change]. Moscow, 2002, pp. 269–283. (In Russian).
12. Leyderman N.L. Istoriko-literaturnyye tsikly na “strele vremeni” [Historical and Literary Cycles on the “Arrow of Time”]. *Russkaya literatura XX–XXI vekov*:

napravleniya i techeniya [Russian Literature at the Turn of the 21st Century: Directions and Trends]. Issue 11. Ekaterinburg, 2009, pp. 8–42. (In Russian).

13. Likhachev D.S. Budushcheye literatury kak predmet izucheniya [The Future of Literature as a Subject of Study]. *Likhachev D.S. O filologii* [About Philology]. Moscow, 1989, pp. 79–106. (In Russian).

14. Lotman Yu.M. Kanonicheskoye iskusstvo kak informatsionny paradoks [Canonical Art as an Information Paradox]. *Lotman Yu.M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on Semiotics of Culture and Art]. Saint-Petersburg, 2002, pp. 314–321. (In Russian).

15. Mil'don V.I. K ponyatiyu “vozvratnosti (tsikla)” v istorii russkoy literatury [To the Concept of “Recurrence (of Cycle)” in the History of Russian Literature]. *Tsiklicheskiye ritmy v istorii, kul'ture, iskusstve. Sb. st.* [Cyclic Rhythms in History, Culture, Art. Collection of Articles] Moscow, 2006, pp. 415–433. (In Russian).

16. Nikonova S.B. Estetika netsiklicheskih povtoreniy [The Aesthetics of Non-Cyclic Repetitions]. *Sotsial'naya analitika ritma* [The Social Analysis of Rhythm]. Saint-Petersburg, 2001, pp. 129–133. (In Russian).

17. Svas'yan K.A. Osval'd Shpengler i ego rekvijem po Zapadu [Oswald Spengler and His Requiem for the West]. *Shpengler O. Zakat Evropy* [Europe Sunset]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1998, pp. 5–122. (In Russian).

18. Toporov V.N. K voprosu o tsiklakh v istorii russkoy literatury [On the Issue of the Cycles in the History of Russian Literature]. *Literaturnyy protsess i razvitiye russkoy kul'tury XVIII–XX vekov: tezisy nauchnoy konferentsii* [The Literary Process and the Development of Russian Culture in the 18th–20th Centuries: Abstracts of a Scientific Conference]. Tallin, 1985, pp. 4–10. (In Russian).

19. Uspenskiy B.A. Istoriya i semiotika: vospriyatiye vremeni kak semioticheskaya problema [History and Semiotics: the Perception of Time as a Semiotic Problem]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems]. Vol. 22. Tartu, 1988, pp. 66–84; Vol. 23. pp. 18–38. (In Russian).

20. Zhirmunskiy V.M. Dva napravleniya sovremennoy liriki [Two Directions of Modern Lyrics]. *Zhirmunskiy V.M. Voprosy teorii literatury. Stat'i 1916–1926* [The Issues of the Theory of Literature. Articles of 1916–1926]. Leningrad, 1928, pp. 182–189. (In Russian).

21. Zhivov V.M. Logika kak problema istorii. I–II [Logic as a problem of history. Part 1 and 2]. *Semiotika kul'tury. Tez. dokl. vsesoyuz. shkoly-seminara po semiotike kul'tury* [The Semiotics of Culture. Abstracts of the USSR Seminar on Semiotics of Culture]. Arkhangel'sk, 1988, pp. 13–18. (In Russian).

(Monographs)

22. Barthes R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989. (In Russian).

23. Bertram E. *Nitsشه. Opyt mifologii* [Nietzsche. The Experience of Mythology] Saint-Petersburg, 2013. (In Russian).

24. Danto A. *Analiticheskaya filozofiya istorii* [The Analytical Philosophy of History]. Moscow, 2002. (In Russian).

25. Jaspers K. *Smysl i naznacheniyе istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Moscow, 1991. (In Russian).
26. Kogan P.S. *Prolog. Mysli o literature i zhizni* [Prologue. Thoughts on Literature and Life]. Petrograd, 1915. (In Russian).
27. Likhachev D.S. *Istoriya russkoy literatury X–XVII vekov* [The History of Russian Literature of the 10–17th Centuries]. Moscow, 1980. (In Russian).
28. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint-Petersburg, 2000. (In Russian).
29. Peretts V.N. *Kratkiy ocherk metodologii istorii russkoy literatury* [A Brief Outline of the Methodology of the History of Russian Literature]. Petrograd, 1922. (In Russian).
30. Pospelov G.N. *Problemy istoricheskogo razvitiya literatury* [The Issues of the Historical Development of Literature]. Moscow, 1972. (In Russian).
31. Sakulin P.N. *Nauka o literature, yеe itogi i perspektivy. T. XV. Sinteticheskoye postroyeniye istorii literatury* [The Science of Literature, Its Results and Prospects. Vol. 15. Synthetic Construction of the History of Literature]. Moscow, 1925. (In Russian).
32. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, 2008. (In Russian).
33. Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow, 1977. (In Russian).
34. Veselovskiy A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, 1940. (In Russian).
35. Wellek R., Warren O. *Teoriya literatury* [Literary Theory]. Moscow, 1978. (In Russian).

Баршт Константин Абрекович, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела Новой русской литературы. Область научных интересов: теория и история русской литературы, нарратология, текстология, идеография в рукописях писателя, творчество Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова.

E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru

ORCID ID: 0000-0002-1152-4083

Konstantin A. Barsht, Institute of Russian literature (Pushkin House) of Russian Academy of Sciences.

Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of New Russian literature. Research interests: theory and history of Russian literature, narratology, textology, ideography in the writer's manuscripts, works by F.M. Dostoevsky and A.P. Platonov.

E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru

ORCID ID: 0000-0002-1152-4083